УДК 327(045)(470+571) DOI 10.12737/11593

Политико-экономический разворот России на Восток: *pro et contra*

Махмутова Евгения Викторовна

Канд. полит. наук, доцент кафедры «Прикладная политология» Финансового университета

E-mail: elrus@yandex.ru

Прошедший 2014 г. скорректировал российскую внешнюю политику и вновь поставил вопрос о необходимости смещения акцентов в сторону кооперации со странами Востока. Актуальность данной статьи заключается в изучении международной активности российского руководства в период повышенной геополитической и экономической турбулентности, беспрецедентного информационного давления на Россию с момента распада биполярной системы международных отношений. Цель — выявление достоинств и недостатков заявленной российским руководством в 2014 г. стратегии разворота на Восток. Для достижения поставленной цели планируется решение следующих задач: систематизация активности российских политических и деловых кругов на восточном направлении, анализ уже предпринятых шагов, фиксация политических и экономических рисков, с которыми Россия может столкнуться на восточном треке в среднесрочной перспективе. При оценке эффективности внешнеполитических маневров российского руководства в восточном направлении используются следующие методы: ивент-анализ, ситуационный анализ и метод экспертной оценки.

Общим выводом статьи является утверждение, согласно которому разворот России на Восток еще не оформлен и нуждается в систематизации и формировании комплексной стратегии.

В дальнейшем предполагается продолжить работу над изучением российского политического и экономического потенциала в восточном направлении, выявлением проблемных полей и способов их устранения.

Ключевые слова: внешняя политика, Восток, Индия, Китай, международные отношения, санкции, Турция.

Russian Political and Economic Turn to the East: Pro Et Contra

Makhmutova Evgeniya Viktorovna

Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor, Applied Political Science Department, Financial University

E-mail: elrus@yandex.ru

The past year (2014) adjusted Russian foreign policy and once again raised the need to shift towards cooperation with the East. The relevance of this article is examination of international activity of the Russian authorities during sensitive geopolitical and economic turbulence and unprecedented pressure on Russia since the collapse of the bipolar system of international relations. The goal is to identify advantages and disadvantages of the «turn to the East» strategy that was proclaimed by the Russian officials in 2014. The following tasks should be solved to achieve this goal: systematization of Russian political and business elites' activity in the East, analysis of the steps Russia has already taken, fixing of the political and economic risks that Russia may face in the East on a mid-term horizon.

Assessment of the effectiveness of Russian leaders' foreign policy maneuvers in the East requires the following methods: event analysis, situational analysis and the method of peer review. The general conclusion of the paper is the statement that the Russian turn to the East has not formed yet and it requires systematization and formation of an integrated strategy. The author plans to continue to study Russian political and economic potential in the East as well as to identify problem fields and their solutions.

Keywords: foreign policy, East, India, China, foreign relations, sanctions, Turkey.

Проблема выбора вектора внешнеполитического развития России остро встала перед руководством страны в 2014 г., несмотря на то, что и ранее предпринимались попытки заменить евроатлантический трек альтернативными направлениями. В разные периоды времени в фокусе российского руководства находились Латинская Америка и даже Африка. Однако наиболее реалистичным с точки зрения формирования равноценной альтернативы, способной компенсировать материальные и имиджевые издержки, понесенные Россией в результате санкционного давления и попыток элит ряда западных стран выдерживать «дипломатический бойкот», выглядит азиатское направление, особенно Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

Если ранее российское руководство предпринимало отдельные шаги по выстраиванию более тесных отношений с партнерами на Востоке, теперь делает заявку на формирование системного подхода к взаимоотношениям со странами Азии. Фактически, разворот страны на Восток — новая парадигма российской внешней политики, принцип построения отношений обновленной России с партнерами. В феврале 2015 г. министр иностранных дел Сергей Лавров назвал сближение России с Востоком «национальным приоритетом на весь XXI век» [1].

«Спусковым крючком» активизации российской внешней политики на восточном направлении стало признание Россией в марте 2014 г. Крымского полуострова частью Российской Федерации и последующая санкционная политика со стороны западных стран. Однако первые признаки намечающегося ухудшения отношений с западными партнерами обозначились еще в конце 2012 г., когда в США был принят так называемый акт Магнитского. Были введены визовые ограничения и заморозка финансовых счетов ряда лиц, причастных, как полагали в США, к смерти адвоката инвестиционного фонда *Hermitage Capital Management*. Однако и данная мера не была уникальной на тот момент. К ужесточению риторики западных стран в отношении политики российского руководства привел провал выступлений на Болотной площади в 2011–2012 гг., ставший попыткой либеральной оппозиции дезавуировать итоги парламентских выборов в РФ и не допустить возвращения Владимира Путина в кресло президента.

Неприятие американо-европейскими элитами политических реалий в России привело к тому, что фактически весь период третьего срока В. Путина прошел под знаком внешнеполитической турбулентности на евроатлантическом треке. Дополнительным стимулом к ужесточению антироссийской риторики в западных странах послужили успешные с точки зрения спортивных и организационных достижений Олимпийские игры в Сочи, а также результативное включение российского президента в процесс урегулирования конфликта в Сирии.

Ситуация вокруг Украины обнажила системные противоречия, существовавшие между сторонами, и побудила российское руководство активнее развивать альтернативные направления сотрудничества. На роль внешних источников капитала претендуют Китай, Индия, ряд стран Юго-Восточной Азии. Япония и Южная Корея в эту парадигму не вписываются в силу своей политико-экономической зависимости от США. Наибольшим потенциалом обладает Китай как долгосрочный и проверенный российский партнер.

Китай в системе российских интересов

Российско-китайские отношения на высшем уровне характеризуют стабильность, регулярный политический диалог, позитивная повестка. Не считая двусторонних встреч, главы государств имеют возможности для прямого общения как минимум три раза в год — на саммитах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС (англ. *BRICS* — сокращение от *Brazil*, *Russia*, *India*, *China*, *South Africa*) и Большой двадцатки *G*20 [2, с. 107]. Более того, Китай готов подключить Россию к реализации своего масштабного проекта Экономического пояса Великого шелкового пути [3], нарастить объем взаимной торговли до 100 млрд долл., одобрить соглашение о строительстве газопровода из Восточной Сибири, продолжать сотрудничество по созданию дальнемагистрального широкофюзеляжного самолета и в сфере высокоскоростных железных дорог.

С одной стороны, сближение с Китаем для России оказывается значимым тогда, когда возникает вопрос о необходимости решения актуальных геополитических проблем (обсуждение «иранского ядерного досье», урегулирование ситуации в Сирии и в целом на Ближнем Востоке, выступление с единых позиций по вопросам реформирования мировой финансовой архитектуры). На первый взгляд, такая тактика закономерна, учитывая встречное желание Пекина развивать российский трек, расширять рынки сбыта, реализовывать совместные проекты в сфере Военно-промышленного комплекса (ВПК).

В 2014 г. товарооборот с КНР достиг рекордного уровня — 95млрд долл., уровень накопленных китайских инвестиций вырос в 2,5 раза, успешно закрыт вопрос о строительстве газопровода «Сила Сибири». Во многом столь позитивная динамика обусловлена

ростом интереса российского покупателя к китайской продукции (как альтернативе западным товарам), попытками инвесторов компенсировать издержки на европейском направлении переориентацией на лояльный Китай, растущей практикой перевода депозитов в долларах и евро в азиатские валюты (в том числе и в гонконгский доллар).

С 2008 г. Китай продемонстрировал жизнеспособность своей экономической модели, став лидером в своем регионе по темпам роста ВВП и промышленного производства. Именно в посткризисный период происходит интенсификация контактов России с КНР, а ухудшение отношений с Западом придает российско-китайским отношениям новый смысл.

Однако, если интерес российских инвесторов к проектам в Китае высок, то обратный процесс не столь динамичен. Существует целый комплекс проблем, ограничивающих приток китайских инвестиций в российскую экономику. Во-первых, отсутствие успешного многолетнего опыта привлечения китайских предпринимателей. Несмотря на многочисленные разговоры о важности восточного трека для экономики России, практически весь финансово-промышленный и инвестиционный секторы долгое время были ориентированы на западный бизнес. Например, такие страны, как Казахстан имеют более успешный опыт по привлечению китайского бизнеса. Полноценное понимание неизбежности диверсифицированного подхода к внешнеэкономической деятельности возникло лишь в 2014 г., когда под санкции попали не отдельные субъекты, а ведущие российские компании в сфере обороны и Топливно-энергетического комплекса (ТЭК).

Сегодня делаются первые шаги скорректировать эту ситуацию. Одним из потенциально прибыльных проектов должны стать территории опережающего развития (ТОР), созданные в 2014 г. для стимулирования инвестиционной активности на Дальнем Востоке. Предполагается, что на данных территориях будет действовать льготный режим для резидентов ТОР, процедура получения государственных и муниципальных услуг будет также упрощена.

Вторым ограничителем китайской активности на российском треке может стать высокая стоимость рабочей силы и акцент российского руководства на развитии промышленности Сибири и Дальнего Востока, а не природных ресурсов региона, как того хотели бы в Китае. В этом смысле для Поднебесной более привлекательные по сравнению с Россией — Бангладеш, Индия, Таиланд. В отличие от этих стран, готовых предложить Китаю дешевую рабочую силу для своих производств, российское руководство рассчитывает развивать с Поднебесной равноправное партнерство, ориентированное на взаимовыгодный обмен капиталом и технологиями. Однако есть риск, связанный с тем, что реализация проекта Великого Шелкового пути в принципе не предполагает технологическое совершенствование стран — участниц проекта. Их функция — лишь в обеспечении стабильного и экономически эффективного транзита китайской продукции через свои территории. В этой ситуации существует опасность формирования превратного представления о России как о транзитной стране (например, для поставок китайской продукции в Прибалтику), что дезавуирует саму идею российского руководства о развороте на Восток.

В-третьих, Китай выступает конкурентом России в Центральной Азии, прежде всего в энергетической и транспортно-логистической сферах. В рамках проекта Великого Шелкового пути Пекин планирует покрыть Центральную Азию сетью железных и автодорог, призванных оптимизировать поставки китайской продукции в Европу и на Ближний Восток. Яркой иллюстрацией может быть реализация Китаем крупного проекта строительства железных дорог в Узбекистане. Один из главных проектов — строительство электрифицированной железнодорожной линии Ангрен — Пап, которая позволит обеспечить оптимальный маршрут, связывающий страны Азии с Европой (рис. 1). Ее прокладка с участием китайской компании *China Railway Tunnel Group* началась в июне 2013 г. Контракт составляет 455 млн долл. Уникальность железной дороги состоит в том, что она проходила через перевал Камчик на высоте 2,2 тыс. м над уровнем моря. Эта дорога призвана стимулировать экономику Ферганской долины, поскольку сегодня три составляющие ее области с остальной республикой связывают только воздушное сообщение и автомобильная дорога.

Сравниться с ней по высоте может опять же узбекистанский проект — железная дорога Ташгузар — Байсун — Кумкурган, проходящая через горный перевал высотой 1,5 тыс. км и связавшая две южные области — Сурхандарьинскую и Кашкадарьинскую. Эта трасса выведет из цепочки Туркменистан, за транзит через который Узбекистан платил около 60 млн долл. ежегодно.

Грандиозный проект должен стать завершающим этапом формирования единой сети железных дорог Узбекистана и создания межрегионального транспортного коридора «Китай — Центральная Азия — Европа». Экономическое значение данной ветки

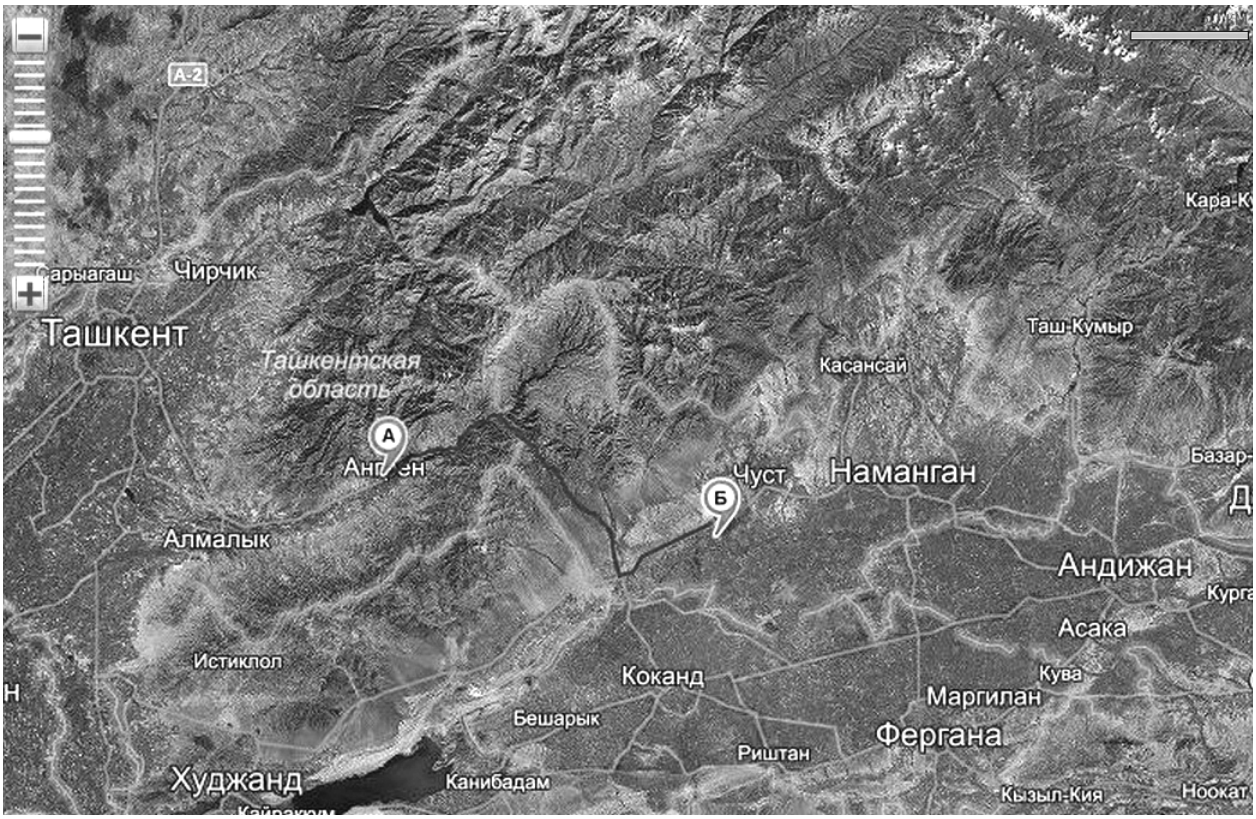


Рис. 1. Железнодорожная линия Ангрен — Пап

Источник: Яндекс. Карты

повысится в случае включения ее в китайский долгострой — железную дорогу, которая должна соединить город Кашгар в провинции Синьцзян с Андижаном через территорию Киргизии, превратив Узбекистан в мощный железнодорожный узел, связывающий Китай с Афганистаном.

Статистика показывает, что на статус активных инвесторов в экономике стран Центральной Азии претендует не только Россия. Наиболее говорящими являются данные по странам — участницам Евразийского экономического союза.

Так, согласно данным Национального банка Республики Казахстан (РК) (рис. 2), лидер по объему чистого притока иностранных инвестиций за III квартал 2014 г.– Нидерланды, на втором месте — США, на третьем — Китай, на четвертом — Франция, Россия замыкает пятерку. Ее показатели составляют около 6% от общего объема притока иностранных инвестиций в РК, в то время как приток инвестиций из Нидерландов составляет 45% [4]. Однако, скорее всего, в структуре инвестиций из Нидерландов преобладает совместный российско-казахстанский «офшорный» капитал, не указанный в данной статистике, поэтому картина по России все-таки не столь негативная.

Если посмотреть на инвестиционные показатели по еще одной стране –российскому партнеру по Евразийскому экономическому союзу — Кыргызской Республике (КР), то мы увидим следующие данные (см. рис. 3). Лидером по поступлению прямых иностранных инвестиций за аналогичный период в экономику КР является Китай (107 943,1 млн долл.), на втором месте — Канада (82 938,1 млн долл.), на третьем месте — Великобритания (40 186,7 млн долл.), на четвертом — Казахстан (38 513,8 млн долл.), на пятом — Австралия (33 952 млн долл.). Россия занимает шестую позицию (14 873,7 млн долл., что составляет 3,4% к общему объему). Процент прямых инвестиций из КНР к общему объему — 24,3% [5].

За контроль над регионом соперничают сразу три крупных игрока (Россия, США, Китай), а также Евросоюз и исламские государства. Хотя Россия и не смогла удержать центрально-азиатские республики в зоне своего влияния, тем не менее ее окончательного ухода не произошло. США пришли в Центральную Азию, однако пока так и не смогли стать доминирующей силой. Китай позже всех вступил в конкуренцию за регион, однако пытается наверстать упущенное.

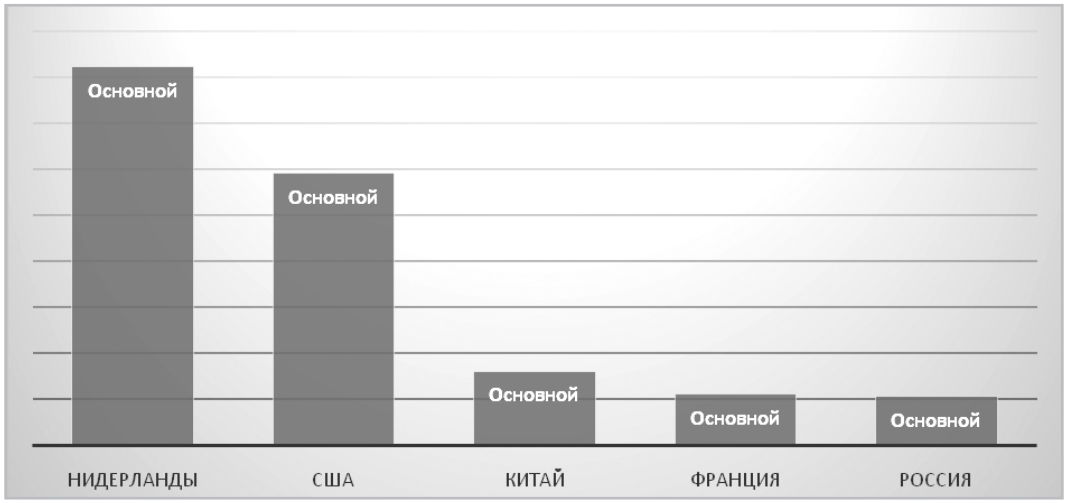


Рис. 2. Чистый приток иностранных инвестиций в III квартале 2014 г. (тыс. долл. США)

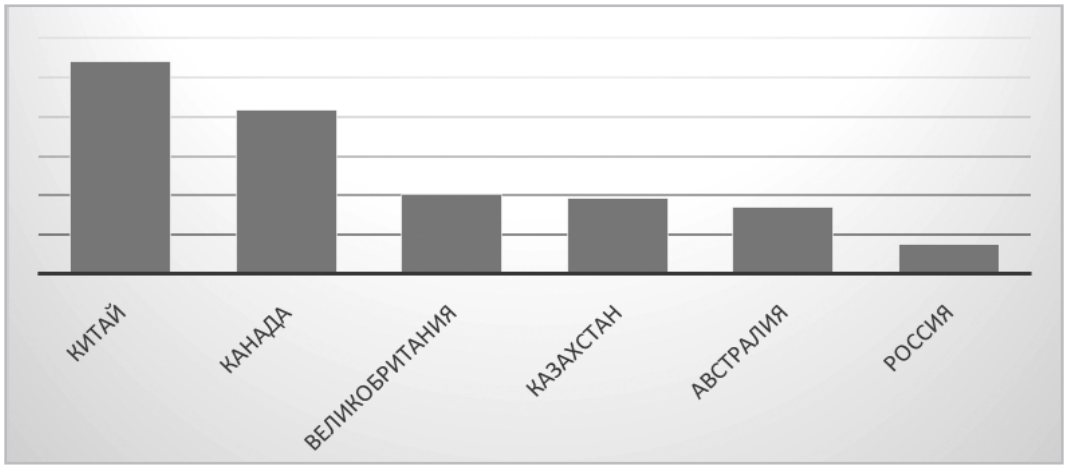


Рис. 3. Приток прямых иностранных инвестиций, III квартал 2014 г. (Национальный статкомитет Кыргызской Республики)

Четвертым риском для российской стороны может стать существенное удешевление проекта «Сила Сибири», несмотря на очевидную его привлекательность в контексте новой внешнеполитической парадигмы России.

Выгода «восточного маршрута» экспорта энергоносителей для России состоит в диверсификации поставок. Несомненным достоинством восточного вектора поставок является страховка на случай, если Европа пойдет по «иранскому сценарию» и откажется покупать российские энергоносители.

Даже при условии скидок для Азии бюджет России теоретически может получить дополнительные средства в виде налоговых поступлений, а экономика страны — новые рабочие места на «больших стройках» трубопроводов и заводов СПГ. Но на экономическую привлекательность проекта влияет турбулентность на ценовом рынке. Например, на фоне падения цен на нефть уже можно говорить об удешевлении контракта между Газпромом и КНР.

С момента подписания китайского контракта нефть подешевела примерно со 100 до 60 долл. за баррель. Это не значит, что цена на газ для Китая упала настолько же, но она рассчитывается по формуле, которая включает цену на нефть и нефтепродукты, а также коэффициент, который не раскрывается.

Наконец, в-пятых, развитие китайского вектора может быть сопряжено рисками, связанными с разными подходами к ведению бизнеса в контексте

вопроса о доверии как фундаменте деловых отношений. Отличие китайской предпринимательской этики от западноевропоейской состоит в том, что в первом случае доверие к бизнес-партнеру формируется после осуществления совместного проекта, когда стороны использовали все возможности для проявления себя с лучшей стороны. Западноевропейский подход постулирует доверие как основу будущих деловых отношений, является причиной организации проекта, а не его следствием [6]. Учитывая, что у значительной части российских предпринимателей, которых внешнеполитические обстоятельства вынуждают переориентироваться на Восток, нет опыта взаимодействия с бизнес-партнерами в подобной парадигме, реализация совместных проектов может затянуться на длительное время именно по этой причине.

Индийский вектор

Еще одним перспективным направлением российского разворота на Восток может стать Индия. Несмотря на то, что «историй успеха» на индийском треке у России за последние годы меньше, чем на китайском, именно Нью-Дэли воспринимается в качестве альтернативы как западному, так и китайскому направлениям. Тем более, что в отношении Индии и США предпринимают попытки играть в собственную игру.

В 2014 г. Роснефть заключила соглашение на поставку 10 млн т нефти в год в Индию в течение 10 лет. Индия заинтересована в освоении нефтегазовых месторождений на территории России, и российские компании выразили готовность пригласить индийцев к участию в разработке и добыче углеводородов в Арктике и Восточной Сибири. Так, Роснефть собирается продать индийской ONGC доли в добывающих проектах, среди которых ее крупные Ванкорское и Юрубчено-Тохомское месторождения в Восточной Сибири. Кроме того, индусам предложено войти в проект Роснефти по строительству завода «Дальневосточный СПГ» [7].

Подписаны также два контракта в военно-технической сфере общей стоимостью почти в 3 млрд долл. Кроме того, согласно одному из заключенных контрактов, Россия в течение 20 лет построит в Индии не менее 12 энергоблоков атомной энергостанции. Банк «ВТБ» выдаст индийской компании *ESSAR* кредит в размере 1 млрд долл. В числе соглашений 2014 г. также значатся два от Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ). Он и компания *Infrastructure Development Finance Company Ltd* вложат по 500 млн долл. каждая в инфраструктурные проекты, второе соглашение с *Tata Power Company* предусматривает проектное финансирование. Кроме того, Россия намерена содействовать созданию в Индии сотового оператора.

Индийский трек в российской политике приобретает все большую значимость в контексте экономического давления «коллективного Запада» и поиска Россией альтернативных экономических партнеров. За последнее время российско-индийские отношения претерпели ряд трансформаций, и сегодня Индию уже нельзя назвать абсолютно пророссийским государством в Азии. В то же время в Индии помнят о советской поддержке в период становления молодой индийской республики — и сегодня рассматривают Москву как фактор сдерживания американского присутствия в Азии. Индия не присоединилась к антироссийским санкциям США, ценит вклад России в развитие индийской атомной энергетики и в новых условиях рассматривает санкции как открывшуюся возможность выйти на российский нефтегазовый рынок. Тем более, что это коррелирует с российской генеральной линией «разворота на Восток».

Тем не менее Вашингтон занимает значимое место в индийской внешней политике, что обусловлено наличием в США большой индийской диаспоры, активным вовлечением выходцев из Индии в процессы принятия там политических решений. К тому же Индия и США активно развивают сотрудничество в оборонной сфере, а для Индии, испытывающей напряжение сразу на двух направлениях — китайском и пакистанском, такое партнерство важно [8]. Эти слова подтверждает и тот факт, что свой первый визит нынешний премьер-министр Индии, Нарендра Моди, совершил именно в США.

Однако в новых условиях такой жест следует рассматривать, скорее, как результат лоббистских усилий индийской диаспоры, а также как стремление Моди указать Белому Дому на ошибочность принятого в 2005 г. решения не давать ему, тогда еще лидеру индийской националистической оппозиции, въездную визу в США.

Индия ставит перед собой задачу повышения своей роли в новой архитектуре международной безопасности в Азии до уровня России, Китая и США. Новое индийское руководство взяло курс на укрепление оборонного комплекса страны. Вашингтон попытается переиграть Москву на индийском треке. Вполне возможно, что ради этой цели Вашингтон откажется от своей главной задачи — убедить Нью-Дели присоединиться к операции против Исламского

государства Ирака и Леванта на территории Ближнего Востока. Впрочем, индийское руководство уже дало понять, что готово вести антитеррористическую борьбу только в зоне своих непосредственных интересов.

Что касается индийского рынка вооружений, то в последние годы США заметно усилили свои позиции и обошли Россию как крупнейшего поставщика вооружений в эту страну. Важными поставщиками вооружений также являются Франция и Израиль, которые считаются американскими союзниками. При этом попытки Индии запустить собственное производство современных систем вооружений не были успешными.

Турция как шанс для России

Однако самым ярким примером того, как Россия отворачивается от Запада, стал демонстративный отказ от строительства газопровода «Южный поток» 24 млрд евро. В новой концепции газопровод решено развернуть в сторону Турции, которая может стать крупнейшим посредником по продаже российского газа. Плюсы соглашения: укрепление экономических связей между Москвой и Анкарой, демонстрация наличия у российского руководства альтернативных ходов в энергетике, появление инструмента давления на Еврокомиссию по вопросу о наполняемости газопровода «Северный поток»[1]. Примечательно, что на практике нормы Третьего энергопакета не носили обязательного характера. В частности, под его нормы не попал проект Трансадриатического газопровода (TAP) из Азербайджана через Турцию в ЕС. Однако если сравнивать экономические показатели российской и азербайджанской труб, статистика не в пользу последней. Предполагаемая конечная мощность «Южного потока» составляла 63 млрд м^3 газа в год, тогда как TAP — 10 млрд м^3. Кроме того, предполагалось, что Болгария за услуги транзита будет получать 400 млн евро в год, а функционирование трубы позволило бы создать в республике более 6 тыс. рабочих мест. Теперь же все эти бонусы перейдут к Турции, куда с компрессорной станции «Русская» (возведена специально для «Южного потока») планируется поставлять 14 млрд м^3 газа в год, остальные 50 млрд будут закачиваться в «точку сдачи» для ЕС.

Минус проекта в том, что он «безадресный», т.е. рынком сбыта называются абстрактные страны Европы, в том время как «Южный поток» имел свою целевую аудиторию — получателей в Болгарии, Италии, Франции.

С точки зрения российских интересов подключение Турции к поставкам газа в Европу — крайняя мера, учитывая турбулентные отношения между Анкарой и Брюсселем, напряженность в турецко-греческих отношениях и нестабильную обстановку в турецких провинциях. Судя по тому, что о планах по обходу Болгарии через Турцию было объявлено спустя почти полгода после того, как София заморозила строительство «Южного потока», Турция рассматривалась как возможный, но не первоочередной маневр России в случае форс-мажора. К тому же сегодня нет гарантий того, что ЕС сможет безболезненно договариваться с Анкарой по вопросу закупки газа из хаба, и риски недобора 50 млрд м^3 повышаются. В то же время ЕС лишает себя главного козыря — антироссийской концепции сети трубопроводов «Южный коридор», так как все они предполагают подключение труб также транзитом через Турцию.

Таким образом, анализ ключевых шагов российского руководства на восточном направлении показывает, что Россия стремится реализовать системный подход во взаимодействии с азиатскими странами, а стратегия разворота на Восток носит долгосрочный характер. Данная стратегия не предполагает полного отказа от кооперации с западными партнерами, тем более что связи, наработанные с ЕС и США, на данный момент представляются более устойчивыми. Однако ряд шагов российского руководства (санкции в отношении западной сельхозпродукции, жесткая позиция по евроатлантической интеграции Украины, разворот «Южного потока») свидетельствует о том, что Россия в целом готова переосмыслить парадигму внешней политики и сместить ее акценты в Азию.

Введенные санкции против России направлены на отрезание доступа к капиталу и технологиям. В этих условиях перед российскими политическими и деловыми кругам стоит задача поиска альтернативных финансов и технологий, а по ряду позиций — самим выступать в роли поставщика этих продуктов. Сегодня в качестве таких альтернатив могут выступать страны Востока как в силу географической близости к РФ, так и в силу общности целей и задач на мировом политическом и экономическом рынках.

[1] ЕС ограничивает доступ Газпрома к газопроводу Opal, который является продолжением «Северного потока». Газпром пытался добиться от ЕС разрешения вывести эти проекты из-под норм Третьего энергопакета и сохранить за собой 100% мощностей газопровода, но этого пока не произошло. Регулирующие органы Германии удовлетворили заявку Газпрома, однако Еврокомиссия приняла решение, что в соответствии с Третьим энергопакетом Газпрому может быть предоставлено не более 50% мощностей.

Однако развитие восточного вектора несет определенные риски, связанные с отсутствием системности в подходах к Востоку в недавнем прошлом, с центробежными настроениями внутри российской системной оппозиции, зачастую формирующей негативную повестку по вопросу отношений страны с восточными партнерами, с контригрой конкурентов из числа региональных (Япония, Южная Корея) и внерегиональных игроков (США, Евросоюз, Турция).

Например, Китай сегодня не готов к открытой конфронтации с США, а значит, приглашение его к общей с Россией «антивашингтонской» риторике не представляется возможным. Безусловно, у Китая есть множество вопросов к американской внешнеполитической стратегии, глобальным финансовым решениям, шагам Вашингтона в АТР. Однако экономики Китая и США настолько тесно переплетены, что стороны не готовы пожертвовать своими интересами ради установления собственного доминирования над партнером [9]. Китай предпринимает ряд шагов, направленных на снижение этой зависимости, например, учреждая параллельные финансовые структуры (Банк развития БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути), инициируя создание зон свободной торговли с соседями по региону (Южная Корея, Австралия). В то же время слишком высокая взаимозависимость китайской и американской экономик позволяет утверждать, что в среднесрочной перспективе Китай будет готов «закрывать» российскую внешнюю политику на любых условиях [10, с. 123].

Таким образом, разворот России на Восток пока нельзя назвать завершенным, страна находится в процессе поиска оптимальных форм переориентации части экономики в сторону азиатских партнеров. Говорить о формировании соответствующей национальной идеи преждевременно, однако в перспективе, при условии выстраивания взаимовыгодных отношений со странами Востока, а также сохранения нынешних высоких темпов даже в случае нормализации отношений с Западом, такая идея может стать системообразующей и предметно наполненной.

ЛИТЕРАТУРА

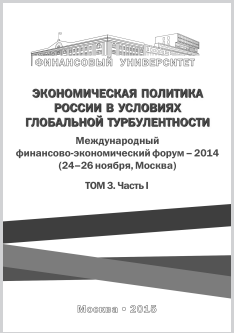
1. Сергей Лавров выступил перед слушателями Дипакадемии МИД России 27 февраля 2015 года. URL: http://russian.rt.com/article/76666 (дата обращения: 04.03.2015).
2. *Петровский В.Е.* Участие в работе институтов глобального управления и их реформировании: сравнительный анализ опыта России и Китая // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. Ин-т Дальнего Востока РАН. 2014. № 19. С. 104–120.
3. МИД Китая: Объем торговли между КНР и РФ составит 100 млрд долларов // Российская газета. URL: http://www.rg.ru/2015/03/08/torgovlya-anons.html (дата обращения: 10.03.3015).
4. Национальный банк Республики Казахстан. URL: http://www.nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian (дата обращения: 04.03.2015).
5. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: http://stat.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=31&Itemid=101 (дата обращения: 04.03.2015).
6. *Де Кремер, Дэвид*. Как западному бизнесмену завоевать доверие китайских партнеров // HarvardBusinessReview. URL: http: // hbr-russia.ru/liderstvo/delovye-svyazi/p15421/# (дата обращения: 04.03.2015).
7. Визит Путина в Индию принес контракты «Роснефти» и «Росатому». URL: http://top.rbc.ru/politics/11/12/2014/5489b7612ae5961a5ec4f573 (дата обращения: 04.03.2015).
8. *Лебедева Н.Б.* Тихоокеанский век Америки — на повестке дня снова военные базы // Война и мир: интернет-сайт. URL: http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/68771/ (дата обращения: 10.03.2015).
9. *Бергер Я.* Национализм и внешняя политика КНР // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5020#top (дата обращения: 10.03.2015).
10. *Давыдов А.С.* Китайско-американские отношения «нового типа» и фактор России в глобальном и региональном измерениях // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. Ин-т Дальнего Востока РАН. 2014. № 19. С. 121–134.

REFERENCES

1. *Sergey Lavrov vystupil pered slushatelyami Dipakademii MID Rossii 27 fevralya 2015 goda* [Sergey Lavrov addressed the students of the Diplomatic Academy under the Russian Ministry of Foreign Affairs 27 February 2015]. Avialable at: http://russian.rt.com/article/76666 (Accessed 4 March 2015).

2. Petrovskiy V.E. *Uchastie v rabote institutov global'nogo upravleniya i ikh reformirovanii: sravnitel'nyy analiz opyta Rossii i Kitaya* [Participation in global government institutions: comparative analyses of the Russian and Chines practices]. Kitay v mirovoy i regional'noy politike: Istoriya i sovremennost'. [China in the global and regional policy: History and modernity]. Far East Institute under the Russian Academy of Science Publ. 2014. I. 1, pp. 104–120.
3. *MID Kitaya: Ob"em torgovli mezhdu KNR i RF sostavit 100 mlrd dollarov* [Ministry of Foreign Affairs of China: trade volume will reach $100 bln]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. Avialable at: http://www.rg.ru/2015/03/08/torgovlya-anons.html (Accessed 10 March 2015).
4. *Natsional'nyy bank Respubliki Kazakhstan* [National Bank of the Republic of Kazakhstan]. Avialable at: http://www.nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian (Accessed 4 March 2015).
5. *Natsional'nyy statisticheskiy komitet Kyrgyzskoy Respubliki* [National Committee of Statistics of the Kyrgyz Republic]. Avialable at: http://stat.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=31&Itemid=101 (Accessed 4 March 2015).
6. De Kremer, D. *Kak zapadnomu biznesmenu zavoevat' doverie kitayskikh partnerov* [How a western businessman can gain trust of Chines partners]. Avialable at: http: // hbr-russia.ru/liderstvo/delovye-svyazi/p15421/# (Accessed 4 March 2015).
7. *Vizit Putina v Indiyu prines kontrakty «Rosnefti» i «Rosatomu»* [Visit of Vladimir Putin to India brought contracts to «Rosneft`» and «Rosatom»]. Avialable at: http://top.rbc.ru/politics/11/12/2014/5489b7612ae5961a5ec4f573 (Accessed 4 March 2015).
8. Lebedeva N.B. *Tikhookeanskiy vek Ameriki – na povestke dnya snova voennye bazy* [The Pacific century of America: military bases are on top again]. *Voyna i mir: internet-sayt* [War and Peace: web-site]. Avialable at: http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/68771 (Accessed 10 March 2015).
9. Berger Ya. *Natsionalizm i vneshnyaya politika KNR* [Nationalism and foreign policy of China]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian international Affairs Council]. Avialable at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5020#top (Accessed 4 March 2015).
10. Davydov A.S. *Kitaysko-amerikanskie otnosheniya «novogo tipa» i faktor Rossii v global'nom i regional'nom izmereniyakh* [Sino-American relations of a "new type» and Russian factor in global and regional measurement]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike: Istoriya i sovremennost'* [China in global and regional policy: History and modernity]. Far East Institute under the Russian Academy of Science Publ. . 2014. I. 19. pp. 121–134.

КНИЖНАЯ ПОЛКА



Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности. Международный финансово-экономический форум — 2014 (24–26 ноября, Москва). Т. 3: Материалы заседаний круглых столов. Ч. I / отв. ред. Г.Л. Подвойский. М.: Финансовый университет, 2015. 264 с.

24–26 ноября 2014 г. в Финансовом университете прошел Международный финансово-экономический форум «Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности». В мире формируется новая экономическая реальность, во многом связанная с наложением двух процессов: нестабильности экономической системы и попаданием российской экономики в режим санкций со стороны западных стран. Но такой негативный фон не повод для паники. Россия ищет новые источники внутреннего экономического роста. А для этого нужно обсуждать современные вызовы в области финансовой политики, кредитно-денежного регулирования, бюджетного процесса, социальной сферы. Все эти темы оказались в центре внимания форума, где выступили ведущие экономисты, чиновники-практики, определяющие вектор экономической политики современной России. В третий том вошли выступления участников круглых столов.